

Мара остановилась у палаты Скайюокера, почти врезаясь в уходящего Халлина.

- Как он сегодня?

- Ну, судя по всему, идет на поправку, раз продолжает сводить меня с ума, - натянуто улыбнулся доктор.

- Что на этот раз?

Прежде Скайюокер изводил Халлина в основном по поводу установки новой правой руки, затребовав ее раньше, чем предназначал доктор. Но в отличие от Халлина она могла понять Люка: ей также было сильно не по себе от торчащего из изуродованной культы штыря-фиксатора - а это была даже не ее рука, не в ее кость была вставлена сия штуковина. К тому же Люк развил вредную привычку использовать тупой наконечник, чтобы почесать заживающие шрамы на лице, тем самым расцарапывая их. Левая рука Скайюокера оставалась все еще неподвижной, и без правой он не мог сделать ничего - а это, должна была признать Мара, заставило бы любого чувствовать себя сильно уязвимой, а уязвимость во Дворце была опасной вещью. Правда, он пока слабо мог управлять новой рукой, но со временем это изменится - тем лучше было начать привыкать к ней как можно раньше.

- Теперь ему взбрело в голову оставить медцентр, - произнес Халлин таким тоном, будто Люк просил чего-то возмутительного.

- И куда он хочет пойти?

- К себе, в свои апартаменты. И он знает, что это вне всякого обсуждения.

Из-за двери послышался хриплый голос Скайюокера:

- А еще он не спит и слышит все, что вы говорите.

В еще слабом голосе слышался снисходительный юмор, но и нотки непререкаемого авторитета уже начали возвращаться, как и упрямые черты характера, занимающие свое место по мере выздоровления. Впрочем, на Халлина ничто из этого не производило впечатления, сказывалось преимущество долгих дружеских отношений.

- В таком случае Наследник точно знает, что возвращение в его апартаменты абсолютно исключено.

Мара на цыпочках зашла в главную спальню Скайюокера, стараясь не разбудить его.

Шел третий день, как он вернулся к себе - с тех пор, как Халлин полностью сдался, лишь горько жалуясь на необходимость переносить все медицинское оборудование из Северной Башни в Западную - туда, где находились огромные Парлемианские апартаменты, занимавшие целый уровень. И за последние два дня доктор пользовался каждой возможностью редких минут бодрствования Люка для оповещения, что тот так изнеможен как раз из-за связанной с переездом нагрузки, к которой он не был готов.

Не выдержав, Скайюокер в конце концов заявил, что он хотел вернуться к себе только потому, что здесь он может законно выставить Халлина за дверь, если тот будет слишком много ворчать и что он на грани выполнения этой угрозы прямо сейчас.

Но как бы там ни было Скайюокер выздоравливал: он стал более внимательным, когда

бодрствовал, его память восстанавливалась, зрение прояснилось. Белок поврежденного глаза вновь стал чистым, хотя радужка из-за травмы и рубцевания изменила цвет, небесно-голубой в большей части стал практически черным. Даже зная это, Маре часто нужно было несколько секунд, чтобы подавить неловко-тревожное чувство, когда она смотрела на него; что-то изменилось в нем: не только цвет глаза, и не правая сторона лица, которую пересекал кривой шрам, но что-то более невидимое, более существенное.

Однако возвращение в свое жилье, казалось, приносило явное улучшение, даже на взгляд Мары - сегодня он снова крепко проспал всю ночь и большую часть утра. Мара наполовину подняла световую защиту на окнах и открыла двери балкона. Теплый летний ветерок колыхал ее волосы, пока она сидела спиной к комнате, воспользовавшись шансом наверстать упущенное в изучении докладов службы разведки. Поглощенная чтением, она фактически подпрыгнула на стуле, услышав позади внезапный глухой удар и одновременно ощутив вспышку изумления и неожиданности в Силе - настолько яркую, что даже она почувствовала ее. Резко обернувшись, Мара узрела Скайюкера в неловком полувертикальном положении на полу рядом с кроватью. В панике она схватила комлинк и, нажав на экстренный вызов, кинулась к нему.

- Все хорошо, хорошо, - заверил он, тем не менее не вставая и прижимая к себе скрепленную спицами руку.

- Черт возьми, что ты делаешь?

- Сажу на полу, как видишь, - ровно произнес он по-прежнему хриплым голосом.

Оказавшись рядом, Мара внезапно застыла с протянутыми руками, не имея понятия, как помочь ему встать. Люк был одет в то, во что был одет всегда, когда спал - в пару затягивающихся на поясе штанов. Остальное тело было совершенно голым. И сейчас, когда нужно было коснуться его, это показалось ей вдруг слишком близким, личным.

Что было глупо - так как она видела его в таком виде сотни раз, когда входила в его апартаменты по утрам или когда он блуждал в распахнутом халате перед завтраком, больше нисколько не смущаясь людей, которые постоянно находили причину шататься по его жилью.

И когда он тренировался в зале шестью уровнями ниже, в огромном помещении с настилом из черного эбенового дерева и стеклянными от пола до потолка стенами, которые становились невероятно горячими летом, несмотря на климат-контроль; тогда он обычно снимал свою майку, чтобы остыть. Она никогда не задерживала свой взгляд на... ну хорошо, это было не совсем верно - но она никогда не чувствовала себя настолько неуклюжей и смущенной раньше.

- Ты сможешь мне встать или просто будешь смотреть на меня?

- Что случилось? - Мара наконец справилась с собой и нерешительно протянулась к нему.

- Просто нога подвернулась, ничего страшного.

- У тебя сложный вывих бедра и лодыжки, - напомнила Мара, притягивая к себе его резкий взгляд, хотя головы он не повернул - шея до сих пор плохо двигалась и болела.

- Кто-нибудь мог бы и сказать мне об этом.

- Мы говорили, неоднократно, - сухо ответила Мара, берясь за правую руку Скайюкера повыше от шва и пытаясь поднять его.

Он вскрикнул, напряжение пришлось на сломанную ключицу. Мара сразу же отпустила его и присела. Запоздало в голову пришла мысль, что на фоне того количества серьезных травм и ран, слова о вывихе Скайуокер мог проигнорировать, тем более, что его память в первые несколько недель была крайне обрывочна.

- Я уверена, что Халлин говорил тебе недавно об этом.

- Я слушаю приблизительно одну треть того, что говорит Халлин. - Люк уклонился, когда она потянулась к его левой заново собранной руке. - Без шансов, - сухо пояснил он.

- Целую треть? - усмехнулась Мара. - Это определенно больше, чем получается у меня.

Она переместилась за его спину и, чуть поколебавшись, подсунула руки ему подмышки, обхватывая грудь и близко ощущая тепло его кожи.

- Подожди! Здесь шрам от операции, - напомнил он, когда ее руки сошлись на длинном, еще воспаленном рубце, пересекающем его грудь от ключиц до живота.

Мара разомкнула руки и ухватилась по сторонам, стараясь сильно не нажимать - зная, как долго заживали его сломанные ребра. Однако, когда она все-таки сжала хват, он вновь резко дернулся с острым болезненным вдохом. Она остановилась.

- Что?

- Там сломано.

Она провела руками вниз по его гладкой коже.

- А здесь?

- Оу.

- Ладно...

- Я думаю, нам можно не проверять, болит везде, - прохрипел он.

- Что ж... тогда тебе, наверное, не стоило вставать с кровати, - сказала Мара, сидя на корточках за его спиной.

- Спасибо, - ровно ответил Скайуокер, - мне обязательно нужно было услышать это. Очень помогло.

- Если тебе... - Мара почувствовала, как ее разбирает смех и безуспешно попыталась удержаться, молча сотрясаясь всем телом.

- Я рад, что кому-то из нас это кажется забавным, - резко проговорил Скайуокер, но Мара различила юморные нотки в его сиплом голосе.

- Прости, это не забавно. - Она еще раз попыталась задушить смех, наклонившись вперед и упираясь лбом в его плечо, чтобы перестать раскачиваться.

- Оу!

- Что?!

- Ты смеешься на моем сломанном плече, - прохрипел он.

По какой-то причине это стало последней каплей; Мара больше не смогла сдерживаться, хотя она героически старалась сделать это, затаив дыхание так, что практически давилась смехом, на глазах выступили слезы. Люк в этот момент попытался сесть, оперевшись на нее, но от смеха Мара фактически обессилела и, желая чуть пододвинуться, она опрокинулась назад под весом Скайюокера, таща его за собой.

Он замер на несколько секунд от боли и затем откинулся на Мару, кладя на нее свою голову. В мрачном голосе явно слышался уже его смех:

- Что ж, ты абсолютно бесполезна в кризисе, Рыжая.

- Это не кризис, это - фиаско, - беспечно исправила она.

По-прежнему держа руки вокруг его груди, она чувствовала, как напрягаются от смеха его мышцы.

- Не заставляй меня смеяться. Это довольно больно.

Оба остановились, сдерживая дыхание и пытаясь вернуть себе силы, чтобы еще раз попробовать встать.

- Наверное, сейчас не время... но, возможно, тебе действительно нужно было остаться в медцентре?

- Если ты когда-нибудь скажешь об этом Халлину...

Угроза была потрачена впустую, поскольку Халлин ворвался в комнату, ответив на экстренный вызов Мары. Увидев их обоих на полу, с руками Мары вокруг Люка и его головой на ее груди, с глупыми ухмылками на лицах, он потрясенно остановился и, потупив глаза, начал отступать.

- О-о, мне очень жаль. Пожалуйста, извините меня. Я не...

- Халлин! - голос Скайюокера сорвался в крике, но тем не менее это получилось достаточно громко. - Вернись!

Учтивый голос доктора донесся с другой стороны дверей:

- ... Сейчас?

- Что теперь? - Люк отвел взгляд от подозрительно коротких утренних отчетов на датападе, которые он читал во время медленной ходьбы на беговой дорожке, раздражаясь больше на нехватку своей выносливости, чем на внезапное вторжение в небольшой спортзал.

Даже несколько минут упражнений по-прежнему вызывали у него практически полное изнеможение, заставляя чувствовать себя невероятно уязвимым здесь, во Дворце Императора. Поскольку правда состояла в том, что защитить себя от Палпатина мог лишь он сам, больше никто на это способен не был.

И он начал заставлять себя делать все, чтобы вернуть свою форму. Тяжелая, громоздкая конструкция, держащая его руку, была снята, остались только тонкие спицы, торчащие из-под кожи, и легкая фиксирующая повязка из полимера. Рука все еще была неуклюжей и неудобной, но это не шло ни в какое сравнение с тем временем, когда она фактически

находилась в клетке. И как только спицы и повязка будут удалены, он собирался возобновить тренировки с лайтсейбером. Но пока даже такая небольшая нагрузка, как ходьба, заставляла его дрожать от истощения.

Его тревожило то, что во дворце он был словно в ловушке - ему никогда не нравилось здесь, он всегда воспринимал это место, как золотую клетку, а в такой близости к его Мастеру, еще и опасную. К тому же, пока он оставался во дворце, у него не было никакого надежного способа связаться со своими агентами; он провел последние полтора года размещая их повсюду для сбора того вида информации, которую он хотел получить прямо сейчас.

Ему необходимо было точно знать, что случилось, о подготовке и последствиях покушения на него. Особенно ему нужно было знать, почему Эрго - его шпион в лагере мятежников - не сообщил ему об этом, не оказалось ли прикрытие агента под угрозой. Но пока Люк находился не на своем корабле, где-нибудь подальше от столицы, он оставался изолированным от всей поступающей информации, кроме той, что шел передать ему его Мастер. Люк не думал, что Палпатин лжет ему - тот был слишком умен в управлении правдой, чтобы ему нужно было лгать - но Император, разумеется, вычленил и контролировать какую и в каком виде информацию допустить до него. При должном подходе упущения вводили в заблуждение точно так же, как и ложь; и их утренний разговор с Халлином только лишний раз убедил его в том, как далеко готов пойти Палпатин для достижения своих целей и насколько в действительности ненадежно положение самого Люка - насколько легко его можно пустить в расход.

Халлин был задумчив, когда пришел к нему этим утром, отдав короткий вежливый поклон, он явно старался начать разговор, но не знал с чего начать; поэтому Люку пришлось немало массу сил и уговоров, чтобы в конце концов все-таки вытащить из доктора то, что тот хотел сказать.

- Сразу после взрыва я... сомневался, выживешь ли ты, - начал Халлин, говоря о дне покушения. - У тебя были тяжелые раны, и мы никак не могли стабилизировать тебя. Тогда меня вызвал по комсвязи Император, и его первый вопрос был о том, будешь ли ты жить.

Люк пожал плечами, ничуть не задетый:

- Если я однажды не сделаю этого, я не советовал бы тебе возвращаться во дворец. Скорее всего это станет дорогой в одну сторону.

Халлин серьезно кивнул, намереваясь продолжить и не находя слов. Люк молчал, давая другу время собраться.

- В случае твоей смерти мне было приказано немедленно взять определенные образцы твоего тела и затем заморозить его.

Люка это не удивило:

- ДНК. Хотя, уверен, что у него уже есть образцы, мне нужно будет как-то разобраться с этим.

- Я думаю... он хотел большего. Мне было приказано взять чистые образцы ДНК, да, но... кроме этого... я думаю, что он надеялся получить с ее помощью новое поколение, а не копию. То немногое, чем располагает медицина, говорит о том, что клонирование чувствительных к Силе непредсказуемо, ненадежно. Я думаю, что он хотел... создать ребенка, а не клона.

Долгое время Люк молчал, усваивая серьезность услышанного. Затем медленно кивнул, потирая переносицу, чувствуя смертельную усталость от этих постоянных коварных интриг. Он

посмотрел на Нейтана:

- Ты взял образцы?

- Нет. Это было необходимо только в случае твоей смерти.

- А раньше? - Люк спросил серьезно, начистоту, зная, что Нейтану было неудобно под его взглядом. Доктор прекрасно понимал, что Люк может использовать Силу подтверждения информации. Но Люк не делал этого, конечно, не с Нейтаном, с одним из немногих, кому он доверял.

- Нет. Но это не значит, что их не существует, что это не сделали другие медики. Каждый раз, после твоего заключения в камере, тебя не возвращали сюда напрямую. Когда я видел тебя, твои раны были уже обработаны. Вполне возможно, что нужные образцы ДНК у Палпатина уже есть.

- Мы можем как-то выяснить это?

- Нет. Вез говорит, что медицинский штат Императора очень мал и состоит исключительно из абсолютно преданных ему сотрудников. Мы раньше пробовали проникнуть туда. Безуспешно. К тому же эти образцы могут храниться в самом непредсказуемом месте, под любым обозначением.

- Мне нужно знать, есть ли они вообще. И если да - мы должны разобраться с этим немедленно.

- Люк тяжело взглянул на Халлина. - Если тебе когда-нибудь вновь скажут сделать это, обеспечить ложный образец - и удостоверься, что никто больше не сможет взять настоящий. - Он слегка заколебался, не зная, как объяснить то, что он хочет, но затем понадеялся, что Халлин уже достаточно знаком с явлениями Силы и поймет его. - Если я умру... Мастер Йода преподавал мне... технику - мое тело должно будет просто исчезнуть. Но если этого не произойдет... ты должен будешь полностью уничтожить его. Ты понимаешь? Как можно скорее.

Халлин долго не отвечал, опустив глаза; Люк ощущал его беспокойство. И когда тот наконец посмотрел на Люка, его голос был полон сомнений.

- Я не уверен, что смогу...

- Ну, тогда попроси, чтобы Вез сделал это, - перебил его Люк, удивляясь чувствительности Халлина и зная, что у Веза не будет подобных приступов растерянности. - Или адмирала Джосса, или Арко, если не будет Веза, любого, кому я доверяю. Но будь там - убедись, что это сделано.

Халлин решительно кивнул, хотя Люк и чувствовал его неловкость.

- Это важно для меня, Нейтан, - подчеркнул он. - Я не могу дать Палпатину такой возможности.

Люк наблюдал, как его отец медленно осознал, что в своем сыне он видел также свою замену - что Палпатин откажется от Вейдера сразу, как только установит абсолютный контроль над Люком. Даже в самое темное время, когда он люто ненавидел отца за то, что тот доставил его сюда, Люк не мог не думать о том, как легко Император мог отвергнуть того, кого создал, как черство он мог использовать того, кто так долго служил ему.

Люк знал из собственного опыта, что происходит, когда Мастер Ситх задерживает на ком-то свой алчный взгляд - знал, что тот будет безжалостно использовать любые средства, чтобы

удовлетворить свои желания.

Несмотря на искривленную мораль своего отца, при их последнем разговоре Люк ощутил некий оттенок искреннего сожаления, раскаяния за его решение привести сюда собственного сына, отдавая на растерзание гневу и амбициям Палпатина. И мысль, что следующее поколение, рожденное от Люка, будет поймано в этой безжалостной, разрушающей душу борьбе, была отвратительна. Все во имя великой цели, для драгоценной династии Ситхов. Он всерьез полагает, что Люк допустит подобное?

Но очевидно в согласии Люка он не нуждался; хотя, чему тут удивляться?

Утро пролетело в мыслях о том, что сказал Халлин. Состояние шока и возмущения переросло в гнев и сменилось непреклонным решением не допустить плана Палпатина независимо от цены. Независимо ни от чего, от любых средств. Он не станет марионеткой старого ситха. Не позволит так использовать себя.

И если единственный способ восстановить контроль над своей жизнью заключался в том, чтобы оставить свое прошлое, то теперь он был готов к этому. Без колебаний, без сожалений. Как он мог позволять себе подобное, когда другие не испытывали никакой растерянности?

Этого и добивался его Мастер? Несомненно, он понимал, что все сказанное им Халлину в конечном счете станет известно Люку. Тогда что это? Очередная манипуляция, толкающая его еще ближе к Тьме? Если так, то Палпатин победил в этой игре, потому что Люк наконец добровольно был готов освободиться от своего прошлого.

В конечном счете, к очень большому беспокойству Халлина, Люк дошел до спортивного зала в своих апартаментах, надеясь во время тренировки очистить разум и освободиться от тяжести сделанного открытия. Отчасти это получилось, он был рад, что смог отвлечься от разных предположений о двойственности игр его Мастера, но расстроился, что собственное тело еще настолько слабо. От совсем небольшой нагрузки мышцы были на грани полного изнеможения. Когда он ощутил, что по коридору идет Вез Риис, с бурлящими и не предвещающими ничего хорошего, неопределенными мыслями, Люк в ожидании повернулся к двери, вынуждая Халлина сделать то же самое.

Риис зашел с предупреждающим волнением, как на лице, так и в его ощущении в Силе, быстро взглянул на Халлина и повернулся к Скайуокеру.

- Сэр. Я только что получил сообщение от канцлера Кордо о том, что Император сегодня вечером будет ужинать здесь, - доложил Риис.

Люк скрипнул зубами, удерживая гнев. Небрежно спросил:

- Кордо объяснил это?

Люк редко использовал титулы без особых причин, если речь шла не об Императоре или отце - учитывая его положение власти, исправлять его было некому.

- Нет, никак. Он передал только факт, что Император будет ужинать вечером здесь.

Люк шагнул к стулу; Халлин привстал, явно борясь с порывом броситься Люку навстречу, чтобы поддержать его, если тот упадет - слишком заметна была еще его слабость, хотя Люк и пытался скрывать ее.

- И больше ничего? - спросил Люк, опираясь на спинку стула, прежде чем сесть.

- Мне приказано устроить ужин не в Парадном Обеденном Зале, а в вашей частной столовой. - Риис неуловимо отвел взгляд в сторону и Люк ощутил его внезапное смятение. Такая реакция стала уже довольно привычной Люку, и он учился игнорировать ее. На что именно она была сейчас - на еще воспаленный грубый шрам на лице или на явное несоответствие цвета его глаз, или на какое-то более глубокое чувствовавшееся в нем изменение - Люк точно не знал и не пытался понять.

Вместо этого он сосредоточился на намерениях своего Мастера, которые всегда были тщательно обдуманы и предумышленны. Маленькая улыбка подернула уголки израненных губ:

- Думаю, я должен поговорить с Дэрриком, - сказал Люк, имея в виду своего гардеробмейстера.

Риис поднял вопросительный взгляд.

- Мне нужна рубашка, - ответил Люк загадочно. - Очень определенная рубашка. Я не надевал ее... три года, но Дэррик должен знать, где она.

Риис был заинтригован:

- Какая-то особая причина?

Люк многозначительно взглянул на двери, давая резко понять, что кто-то еще подходил к залу. Он ничего не говорил и не показывал - все знали, что здесь работало наблюдение службы безопасности. А последовавший вход Мары Джейд прервал все дальнейшее обсуждение; впрочем, Люк уже умел не показывать этого - продолжая и естественно заканчивая разговор:

- Я полагаю, мой вечерний гость пытается сказать мне кое-что важное - не хотелось бы, чтоб он думал, что я упускаю этот смысл. - Он слегка повернулся. - Доброе утро, Рыжая.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1245409>